

Весна! Деревья расцветают... С литературных облаков Несется гул: там заседают Смирнов, Ажас и Сурков. Томительно колышет воздух Речей руководящих звуков.

...Весь в улыбающихся звездах Весну встречает Корнейчук. Барашка к празднику зарезав И заварив кречайший чай, Сидит пред юртой Ауэзов: Он завершил роман «Абай». От всех ветров и бурь весенних Ермилов скрылся в книжный дог: Нетерпеливый современный К нему без боя не войдет.

Весна! Отрада чувств и взора... Чу! Слышен миллиейский свист. «Ноймал!» — Леонов держит «Вора», И этот «Вор» — рецидивист.

С кем дружит Кочетов? По новой. Весенней версии — с Пановой: Консолидация идет! Какая сцена у фонтана! Сне — мираж? Фата-моргана? «Сентиментального романа» Малозвестный эпизод?..

Вот в виде трех античных граций Даны три критика. Навест! Книпович с Трифионовой? Нет Столь необычных комбинаций. Наоборот: в конце концов Здесь каждый сам себе Перцов!

...Пора любовных разговоров. Пора признаний! Чуждый дум Весенний шум, зеленый шум! Его не чувствует Панферов: Сидит в «Раздумье» день-деньской Над Волгой-матушкой рекой.

Вот Соболев и Друзин — с новым Жильдом московским Сартаковым. Все трое ездят по Руси, За что им русское «мерси»!

Презрев весну, забросив лиру, Разить врагов, грозящих миру, Во всех изданиях готов Неумный Грибачев. Войны холодной бита карта, Ан вдруг — сквозз строки мирных нот —

Она негладно дохнет Январской стужей, выюгой марта, Декабрьским хламом зимних пург. В болах, сопутствуем удачей, С войной холодной (и с горячей!) Вовсю воет Эренбург.

Скрепив поэзию и прозу, Лелеет Паустовский «Розу» — В литературе, как в саду, Гибридизация в ходу.

Давно «Костер» разводит Федин, (Садам искусства холод вретел), Катаев, юных ждя гостей, Им вход в искусство открывает, — А сам, пожалуй, застревает В одесской юности своей...

Изведав путь эксперимента, Вернись, Некрасов, из Сорренто! У Кербабая Берды, Как в солнечном Туркменистане, Нефть фонтанирует в романе. Пусть! Только не было б воды.

Здесь, в нарушение всех канонов, Изобразил худым Софронов. Он не таков, — не «весом в пуд!» Вот «Огонек» — тот, вправду, худ.

Здесь за работою всегдашней Мы видим Шолохова. С пашней Он кровно связан. Как родне, Своей он предан земле. Он любит труд на дне слова. (Я здесь Вирту и Бубенинова Вполне уместно помню: Они пришли на целину.)

Презрев занятия другие, Овечки лынет к драматургии. «Вернись в наш очеркский стан!» Кричат Михайлов с Шагния. — Не всяк из нас в Шекспире годеи!

...Итак, продолжим. Вот Погодин. Вновь патетический дыют. Опять «Куранты» громко бьют.

С весьма похвальным постоянством В. Розов борется с мещанством, Но позволительно сказать, Что ступля незачем ломать. Стул — это вещь, и Гоголь, право, Смотрел на вещи очень здраво.

Вот — Николаева. Она И знанием техника сильна, И знанием чувств: в своем романе, Таким лирично-деловом, То говорит о женском стане, То — вновь о стане полевом.

А это — кто? Узнали? Гранин. Его наряд довольно странен. Он — «После свадьбы», неспроста На нем вечальная фата!

Идет Твардовский — даль за далью! — Своей Сибирской магистралью, — Ему простор необходим.

Спят Кожеников Вадим — Идет со «Знаменем», как в сечу, К себе в журнал... «заре навстречу».

В. Лапис, старый рыбовод, Берет богатый свой улов. Детсад. Узнали? Нет вопросов? Барто, Маршак, Чуковский, Носов. (Я, начиная список с дам, Пример воспитанности дам.) Вот Михалков с Кассилем рядом... Мы все довольны «детским садом».

Но, дети, дети, вас никак Нельзя принять за «молодья»! ...Вкрут поэтического древа Земля от ветнего напева Дрожит. О, сколько здесь рудал На всякий вкус и всякий лад! Здесь — сто парнасов. Вот —

Светлов, Кирсанов, Исаковский, Смирнов, Мартынов, Шипачев (Он петь любовь «всегда готов»). Прокофьев, Тихонов, чья лира Поет успешно песни мира. Вот — старый (?) Гуля... о, нет, — Он молод, молод с давних лет! Вот Абашидзе, вот Вендлова, Гуля и Рильский, мастер слова, Вот Кулешов, Турсун-заде, Расул Гамзатов и т. д.

Не всех поющих в весенний праздник, Не всех хороших (как и «разных») Я смог вместить в свой длинный стих, — Прощу прощения у них. Эмил КРОТКИЙ Рисунки художников И ИГИНА и И. СЕМЕНОВА

ЭПИГРАММЫ

По примеру улиты К поездам он готов вполне... Но он хотел бы по стране Перебегаться только летом И только вместе с кабинетом.

Музыкальное Сколько угодило их на сруб — И березка тонкая, и дуб, Клены и рябины, и осины... Многовато в песнях древесных!

Критик-юбилейщик В своих статьях елей не жалея, Сам из одной проблемы не решит, От юбилей он до юбилей И жить торопится, и чествовать спешит.

Е. Воробьеву Может, это и неакости, Но заметим в простоте:

Журналу «Новый мир» В нем чувствуешь размах от всей души, Когда важны не мелочи, не «блочки», Кода вещи хороши, так хороши, Но коли плохи, так уж плохи.

А. РАСКИН

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ ТВОРЦЫ И ДЕТИ

(ПЬЕСКА ДЛЯ ДЕТИШЕК В ТРЕХ АКТИКАХ И ДВУХ АНТРАКТИКАХ) Действующие лица: Автор — мужчина. Иногда женщина. Коля — хороший мальчик. Вася — мальчик полюб. Женя — девочка. Любит покушать. Бездействующие лица: Варвара Варваровна — директор очень средней школы. Сквозз-Пальцев — театральный критик. Несборов — кассир детского театра. Папы, мамы, дедушки, бабушки, старшие братья — летчики и прочие.

Очень средняя школа после занятий. Коля готовит уроки. Вася не готовит уроков. Женя жует что-то. Входит Варвара Варваровна и Автор.

Варвара Варваровна: — Дети, тише! Женя, не жуй! Вот автор. Он вам все расскажет, а я пойду. У меня там ремонт. (Уходит.) Автор: — Ребята! Сейчас я буду писать про вас пьесу! (Общий ужас. Женя давится). Ты, Коля, будешь спать. Спи, Коля! Потом ты мне расскажешь, что видел во сне. Это будет первое действие. Ты, Вася, надень Женино платье. А ты, Женя, Васин костюмчик. Этого нам хватит на все второе действие. Свет! (Свет гаснет. Пауза). Свет! (Свет зажигается. Женя в коля, Вася в платье). Прекрасно! Коля, спи!

Коля: — Не хочется... Автор: — Сейчас захочется! (Читает отрывок из своей предыдущей пьесы.)

Женя: — Не могу я больше кушать, не хочу я дальше слушать! (Плачет.) Автор: — Цып! Сейчас всех сделают олицетворенными персонажами! Наплачетесь у меня!

Сквозз-Пальцев (входя): — Простите, я опять опоздал. Очень мне! Прекрасные дети! Почти как взрослые! Я так люблю детей! Но (тихо, автору) пьесе остро не хватает так называемых родителей. А, как хотите, дети без родителей — это все-таки безматеринщина... без... э-э-э... безматеринщина. Это нежелательно. И, потом, старший брат, летчик, или там полярник. — это, знаете ли, очень оживляет. Простите, как называется ваша пьеса?

Автор: — «Творцы и дети», а что? Сквозз-Пальцев: — Представьте, я почему-то так и думал! Какое совпадение! Пора, пора уже нам! Маленький зритель вправе требовать! Отдельные недостатки не считайте! Особо хочется отметить! Пожалуйста, же театру и автору! Простите, у меня еще три премьеры сегодня! (Быстро уходит.)

Вася (подозрительно притихший): — Что-то я давно уроков не готовил... Все готовил, а я не готовил... надо бы и мне готовить. (Исправляется). Пять-пять — двадцать пять...

Несборов (входя): — Опять — двадцать пять! Автор: — Только?

Вася, Женя, Коля (поют, пританцовывая): — Ура! Ура! Прощайте, детвора! Увы! Увы! Домой идите вы! Ха-ха! Ха-ха! Какая же... чрезвычайно интересная пьеса! (Убегают.)

Папы, мамы, дедушки, бабушки и пр. (за сценой): — А как же мы? Несборов: — Опоздали. И слава богу. Удовольствия от вас, прямо скажем, мало. Одни нотации. А нотации без дотации — это, доложу я вам, не сахар. (Выкликает). Есть билеты на сегодняшний спектакль! Есть билеты на завтрашний спектакль! Билетов много, а я один.

А. РАСКИН

В сегодняшнем номере «Литературной газеты» — 6 страниц. В дни работы III съезда писателей СССР «Литературная газета» будет выходить ежедневно.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.